

Проблемы, проблемы, проблемы

1962 год уходил буднично, особенно не радовал, но и не расстроил. Рост экономики составил 5,7 процента, на 1 процент меньше, чем в предыдущем, но в общем неплохо. Зато производительность труда выросла на 5,5 процента по сравнению с 4,4 процента в 1961 году.

С начала семилетки (1959–1962 годы) прирост продукции составил 45 процентов при плане в 39 процентов, сооружено 3 700 крупных промышленных предприятий, в городах построено около 9 миллионов квартир общей площадью 325 миллионов квадратных метров и еще 2 миллиона 40 тысяч домов в сельской местности; 50 миллионов человек (25 процентов населения страны) улучшили жилищные условия.

Вот новости из области энергетики. 30 ноября плотина Днепродзержинской ГЭС перекрыла Днепр, а 10 декабря заработал третий агрегат Назаровской тепловой электростанции под Красноярском. Подготавливалось строительство сверхмощных гидроэлектростанций на реке Вахш в Средней Азии.

Существенную отдачу давало Постановление 1958 года о развитии химической промышленности. 10 октября 1962 года Новокуйбышевский завод начал выпускать синтетический спирт из газа, экономя тем самым пищевые продукты – зерно и картофель. 23 октября получили первую продукцию на Омском заводе синтетического каучука. 15 декабря вступает в строй Рязанский нефтеперерабатывающий завод.

9 октября на Салаватовском нефтехимическом комбинате синтезировали первый полиэтилен. Отец возлагал особые надежды на это производство – пленка заменит стекло в теплицах, из полиэтиленовой массы можно штамповать уйму бытовых вещей: ведра, тазы, ванночки, водопроводные и канализационные трубы, все это тогда делали из стали и чугуна. В Курске начали производить лавсан, лавсановую пряжу, лавсановую ткань, шить из нее модную одежду. Появились первые образцы стеклопластиков, за границей из него клеили массу конструктивных деталей, которые до того штамповали из металла, в том числе крылья автомобилей, детали речных судов.

Однако отец считает, что этого мало. Химизация промышленности в нашей стране отстает и от потребностей, и от Запада. «Мы купили химические заводы в Германии, Италии, Японии, во Франции, и сейчас эти заводы вступают в строй. Еще недавно мы производили три тысячи тонн полиэтилена в год, а теперь вышли на 60 тысяч тонн. Но эти цифры радуют только ораторов, которые ни черта не понимают в экономике. Мы – как крестьянин, который имел копейку, потом займет пятак и радуется. А нам нужен рубль, – говорит он на заседании Президиума ЦК 5 ноября 1962 года. – Пока мы выходили на производство 60 тысяч тонн полиэтилена в год, американцы увеличили свое производство с 500 тысяч тонн до 800! Сколько стоит тонна полиэтилена и сколько тратится на производство тонны стали?! Мы оказались в плену старых схем, капитализм нас обогнал, они шагают вперед, зарабатывают, а мы по старинке планируем капиталовложения в металлургию, вместо того чтобы направить их на производство пластмасс.

Мы перевыполняем планы по производству стали и недовыполняем по текстилю. Мы недозагружаем текстильную промышленность. Текстиль – это одновременно удовлетворение запросов людей и накопления. Такой перекос в политике ведет к истощению экономики. Догоняя Америку, нельзя забывать о сегодняшних нуждах людей, иначе это как забота о заgrabной жизни.

Куда надо вкладывать средства? Туда, где выгоднее. Так поступают капиталисты. Для социализма – те же законы! Только у них это называется прибылью, а у нас – рентабельностью. Вывод – экономикой надо управлять иначе, планы разрабатывать на местах, а в центре иметь маленький, квалифицированный Госплан, который “сшивал” бы все воедино».

Из заседания в заседание Президиума ЦК, на ноябрьском Пленуме отец твердит о недостаточной унификации и типизации, об отсутствии единой технической политики. Был у нас один трактор ДТ-54, а теперь стало три: ДТ-54 Волгоградский, ДТ-54 Харьковский, ДТ-54 Алтайский, и у каждого свои мелкие отличия, и каждому нужны свои уникальные запчасти.

«Капиталисты и тут нас опередили, – сетует отец, – у них специализация, поток, штамповка, кооперирование. Капиталисты создают “Общий рынок” в Европе. В Италии фирма “Оливетти” производит универсальную канцелярскую утварь для всей страны. Это капиталисты делают, а мы работаем по старинке, каждый для себя. Как раньше крестьянин ободья колесные гнул, так и мы трактор делаем».

В выступлениях отец касается и ничем не оправданной затяжки с внедрением разработанной в Советском Союзе технологии непрерывной разливки стали, проблемы замены марتنенов на конверторы, производства на Кировском заводе в Ленинграде 220-сильного трактора для целины и сетует на совнархозное местничество.

Когда главный «контролер» страны Шелепин доложил Президиуму ЦК, что «у нас на складах залежалось швейных изделий на три миллиарда рублей, никто их не покупает, фасоны устарели, а обувные фабрики отчитываются по весу, чем ботинок тяжелее, тем им выгоднее», – отец попросту взорвался: «Вы говорите о ботинках, а я вам назову тысячу еще предметов. В старое доброе время частник, и сейчас так поступают капиталисты, объявляя весной распродажу остатков зимних товаров, продавал со скидкой, иначе омертвляется капи-

тал. А наши бюрократы этим не интересуются, кончился сезон, валенки – на склад, пусть их там моль бьет».

Снова, в который раз, он заводит речь о взаимоотношениях центра с периферией, бюрократов с директорами предприятий. Но при всех проблемах, постоянной необходимости все проталкивать, всех подталкивать, промышленность, тем не менее, работала удовлетворительно, а после новой реформы, надеялся отец, заработает еще эффективнее.

А вот сельское хозяйство вызывало серьезные опасения. В Сибири и Казахстане – засуха. «Алтайский край при плане 267 миллионов пудов (3,6 миллиона тонн) дал только 76 миллионов (1,2 миллиона тонн), Омская область вместо запланированных 101 миллионов пудов (1,6 миллиона тонн) – 40 миллионов (640 тысяч тонн). В Целинном крае летом пшеница стояла стеной, ожидали получить 15–16 центнеров с гектара (при средней урожайности около 11 центнеров), но ударила сорокаградусная жара, и весь колос высох. Казахстан продал государству всего 500 миллионов пудов (8 миллионов тонн), половину от того, на что рассчитывали. Сибирские районы тоже недодали 450 миллионов пудов», – сокрушается отец в разговоре с туркменскими дехканами 28 сентября 1962 года, а затем повторяет свои слова на заседании Президиума ЦК 5 ноября 1962 года.

Засуха охватила и районы юга Украины, те, где традиционно возделываются озимая пшеница и кукуруза на зерно. Украинцы сдали всего 650 миллионов пудов (10,4 миллиона тонн) зерна против запланированного миллиарда (16 миллионов тонн). В центре России, Белоруссии и Прибалтике, наоборот, посевы и урожай вымокли от дождей. Выручили Северный Кавказ, Поволжье, Оренбургская область. Там собрали сказочный урожай, что позволило РСФСР в целом получить зерна много больше, чем в 1961 году.

Суммарно 1962 год оказался лучше предыдущего, но не настолько, как хотелось. В 1962 году собрали 140,2 миллиона тонн зерна (в 1961 году – 130,8), продали государству 56,6 миллионов тонн – по сравнению с 52,1 миллиона в предыдущем году, и средняя урожайность с гектара, несмотря на засуху, тоже чуть повысилась: 10,9 центнера против 10,7.

Однако подскочило и потребление зерна, другими словами, продажа хлеба населению. Тут сработало июньское повышение цен на мясо. Поднялись цены на мясо на рынках, и сразу появился дополнительный стимул откармливания коров и свиней все теми же дешевыми буханками. Ситуация складывалась критическая, если не принять немедленные меры, то свиньи опустошат и без того мизерные государственные резервы зерна.

В ведомстве Шелепина разыскивали давнее, но никем не отмененное Постановление Правительства от 26 ноября 1947 года, ограничивавшее продажу «хлебобулочных изделий в одни руки двумя с половиной килограммами». Госконтроль разослал по стране циркуляр, предписывавший строго придерживаться «установленных законом» ограничений. Во всех булочных и сельмагах появились предупредительные плакатики, контролеры на местах «строго» следили за продавцами. Теперь, чтобы прокормить корову, в магазин придется приходить не раз и не два, и не набегаться, да и примелькаешься, «шелепинцы» сразу возьмут нарушителя на заметку. Так рассчитывал Шелепин, но он строил свои планы на бумаге, оторванно от реалий жизни.

Норм продажи хлеба придерживались, в основном, в Москве и других крупных городах, где контролеров побольше, да и скотину почти никто не держал. В целом же по стране обойти постановление труда не представляло. Договориться с продавщицей хлеба в городках и поселках, где все знают друг друга, легче легкого. За небольшую взятку, а чаще просто из сочувствия она отвалит столько буханок, сколько требуется.

Инициатива Шелепина не столько сократила продажу хлеба, сколько вызвала у всех раздражение. Сам факт введения ограничений, тогда как недавний съезд партии пообещал скорое процветание, а Хрущев заявил, что уже нынешнее поколение людей «будет жить при

коммунизме», ничем другим, как грубейшей политической ошибкой назвать нельзя. ЦК завалили гневными письмами.

Убедившись, что предложенная им мера не сработала, Шелепин не отступился, от природы человек жестокий, он, подтверждая свое прозвище «железного Шурика», предложил ввести драконовские меры, обложить горожан, содержащих скот, разорительным налогом, как при Сталине. Отец отверг инициативу Шелепина, его стратегия неизменна: кризис разрешится только через изобилие, увеличение производства, в том числе и зерна. Чтобы избавиться от зерновых проблем, подсчитал отец, необходимо утроить заготовки зерна. Как? Поднять урожайность на существующих площадях, собирать с гектара не десять центнеров, а по примеру Европы – двадцать-тридцать. Отец удовлетворился бы двадцатью, но без удобрений и это сплошная маниловщина, а они завтра не появятся, пока изыщутся в бюджете средства, пока построят заводы, наладят технологию, пройдет три-четыре года.

Об удобрениях, строительстве заводов для их производства отец буквально теми же словами говорил еще в начале года, на мартовском Пленуме ЦК, но в 1962 году дополнительных средств «под удобрения» не нашлось. Госплан с Минфином встали стеной, бюджет сверстан и уже трещит по всем швам.

Пока же, не от хорошей жизни, оставался единственный выход из положения – распахка «отдыхавшей» под травами земли.

В 1962 году из простаивавших 52 миллионов гектаров земельных угодий уже распыхали 15 миллионов. Отец предлагает в следующем году задействовать еще 20 миллионов. При средней урожайности в 10 центнеров с гектара прибавка составит 20 миллионов тонн зерна. «Прежде чем назвать эти цифры, я много думал, рассчитывал и пришел к убеждению, что они посильны», – пишет отец в Президиум ЦК 10 ноября 1962 года.

Тем временем спор Бараева с Наливайко разгорелся с новой силой. Наливайко не устает повторять: пары и травы – анахронизм. Бараев возражает ему: «На целине особые условия, травы предохраняют почву от эрозии, тут необходима осторожность». На стороне Наливайко – пример американских фермеров, он, собственно, предлагает следовать их рецептам. Бараевым руководит крестьянская осторожность и накопленный за годы жизни в казахской степи опыт.

В сложившихся условиях предложения Наливайко оказываются привлекательнее, сулят передышку, столь необходимую, пока подспеют удобрения, и Хрущев переходит на его позиции, правда, с оговоркой: «Часть трав следует сохранить, люцерна и клевер колхозам и совхозам нужны».

На ноябрьском Пленуме ЦК он выговаривает казахам за пренебрежение особенностями целинного земледелия, за игнорирование голоса передовой науки и практики, за то, что «запустили земли». Но эти его слова местные руководители пропускают мимо ушей, сказаны они мимоходом, с них спросят не за люцерну с клевером, а за нераспаханные гектары.

Поставив на Наливайко, отец рискует: в случае весенней засухи и сильного ветра может случиться черная буря, уносящая с полей и семена, и почву, и надежды хоть на какой-либо урожай. Но такое случается в природе крайне редко. Отец надеется, что до перехода к интенсивному способу земледелия несчастья не произойдет. А там появится возможность часть площадей использовать как ветрозащитные полосы, в США они продемонстрировали свою эффективность. Надеется... Пока же травы пускают под плуг.

Если в зерновом секторе сельскохозяйственного производства перелома добиться не удалось, то в животноводстве отец с удовлетворением отмечает некоторое улучшение. Вслед за майским решением о повышении закупочных цен на мясо, молоко и масло поголовье скота поползло вверх, за истекший год увеличилось с 90,7 миллионов голов до 95,4 миллионов, закупки мяса возросли с 8,7 миллионов тонн до 9,5 миллионов, молока с 62,6 миллионов тонн до 63,9 миллионов. Отец позволяет себе похвалиться: в 1953 году, когда он пришел к

власти, заготавливали мяса всего 5,8 миллионов тонн, а молока только 36,5 миллионов тонн. Так что прогресс налицо, хотя для радости оснований мало, планы год от года не выполняются, намечали за три года семилетки рост продукции сельского хозяйства на 25 процентов, а получили 6,2 процента. Причина отцу ясна – хроническое недофинансирование. В сельском хозяйстве основных фондов в расчете на одного работающего в 2,8 раза меньше, чем в промышленности, а энерговооруженность в 2,4 раза ниже. Водоснабжение ферм механизировано только на 33 процента, на механическое доение (сколько отец с ним бился!) переведено всего 10 процентов поголовья коров. В полеводстве уборка кукурузы механизирована на 33 процента, ее не скашивают комбайнами, а рубят топорами. Картофелекопалки собирают 24 процента урожая, остальное по старинке копают лопатами. Электричества в сельском хозяйстве расходуется всего 3 процента от общей выработки.

Не дало ожидаемого эффекта и преобразование колхозов в совхозы. Предсказания экономистов-агров, что с переходом от кооперативной к общественной собственности в сельском хозяйстве заработают эффективнее, так и остались на бумаге. На деле колхозно-совхозная затея принесла одни убытки. Оно и понятно, в совхозы преобразовывались беднейшие, бросовые колхозы и новоявленные совхозники работать лучше не стали, но теперь их труд оплачивали не палочками-трудоднями, с окончательным расчетом тем, что останется после сбора урожая и выполнения обязательств перед государством, а гарантированной ежемесячной зарплатой. В результате преобразований деревенские жители немного выиграли, а государство и общество в целом – проиграли.

Отец с сожалением констатировал, что «предварительный заезд» в соревновании с США оказался неудачным. Следует перегруппироваться, навести порядок в собственном хозяйстве, иначе на успех рассчитывать не приходится. Мы же теряем время, год за годом, а «год – срок большой. Это 365 дней, одна двадцатая времени, отпущенного Программой партии на построение коммунизма в нашей стране», – говорил отец на заседании Президиума ЦК.

Выход один – увеличить инвестиции, дать крестьянам больше машин, навалиться на производство удобрений и главное – реформировать производственные отношения. Вот только как? Он все больше склоняется, что по Худенко и Либерману.

Заканчивая 1962 год, отец в ближайшей перспективе очень надеялся на урожай 1963 года, природа всегда перемежает сушь с дождем, урожайные годы с неурожайными. После стольких лет засухи должно же, в конце концов, повезти. Хороший урожай требовался отцу позарез, без него задуманная реформа страны забуксует, придется не о будущем думать, а сиюминутные прорехи латать.

Хрущев, Сулов, Ильичев и скандал в Манеже **(Отступление двенадцатое и последнее)**

Теперь я перейду к описанию далеко не самого значительного, но изрядно нашумевшего события 1962 года, того, что впоследствии назовут «Скандалом в Манеже». Неудивительно, как и в случае с Пастернаком, все участники событий – люди амбициозные, пишущие, естественно, свое и о себе.

Посещение отцом новой экспозиции художественной выставки 1 декабря 1962 года внешне событие рутинное. Он ходил на выставки регулярно, вместе с ним таскались и другие члены Президиума ЦК. Не спеша осматривал залы, останавливался у одних полотен, бросал взгляд мельком на другие, на прощание расписывался в книге отзывов и благодарил устроителей за доставленное удовольствие. В марте отец уже побывал в Манеже, теперь экспозицию поменяли и ждали его со дня на день.